

Земляничное окошко

У английского ученого и писателя Артура Кларка есть рассказ «Из колыбели», в котором, приводится известная мысль К. Э. Циолковского о том, что человечество не останется вечно в своей колыбели на Земле, а поставит себе на службу все окосолнечное пространство. Та же мысль явственно звучит в публикуемом ниже рассказе известного американского фантаста Рэя Брэдли «Земляничное окошко». Правда, писатель дополняет ее предположением об угрозе взрыва Солнца в отдаленном будущем, что противоречит данным современной науки. Но это, очевидно, делается просто для того, чтобы произвести более «сильное» впечатление на некоторых читателей.

Рассказ интересен и тем, что в нем писатель выражает своеобразный протест против насаждаемого идеологами «американского образа жизни» культа доллара. Деньгам, стремлению к их накоплению, противопоставляются ценности, иного рода: простые человеческие радости.

Ему снилось, что он затворяет наружную дверь — дверь с земляничными и лимонными окошками, с окошками цвета белых облаков и цвета прозрачной ключевой воды. Вокруг большого стекла в середине распластались две дюжины маленьких окошек цвета фруктовых соков, студня и охлаждающих леденцов. Он хорошо помнил, как в детстве отец поднимал его на руках: «Гляди!» Сиреневое оконце превращало всех прохожих в фиолетовые виноградины. И, наконец, земляничное окошко, которое преображало городок, несло тепло и радость, весь мир озаряло розовым восходом, и стриженный газон казался привезенным с персидского коврового базара. Земляничное окошко, самое чудесное из всех, исцеляло людей от их бледности, делало холодный дождь теплым и превращало в язычки алого пламени летучий, мятущийся февральский снег.

— Вижу, вижу! Тут!...

Он проснулся.

Еще оставаясь под впечатлением сна, он уловил голоса своих сыновей и, лежа во мраке, прислушался к невнятному говору в детской: какой печальный звук, словно шелест ветра над белым дном высохших морей в голубых горах... И он вспомнил.

«Мы на Марсе», — подумал он.

— Что? — вскрикнула жена сквозь сон.

Не заметил, что говорит вслух! Он замер, стараясь не шевелиться, но тут же — горькая явь! — увидел, как жена встает с кровати и скользит через комнату к высокому узкому окну их сборного цельнометаллического дома, обратив бледное лицо к ярким звездам — чужим звездам.

— Керри, — шепнул он.

Она не услышала.

— Керри, — продолжал он, — мне нужно тебе кое-что сообщить. Уже целый месяц собираюсь сказать тебе... Завтра... завтра утром будет...

Но его жена, озаренная голубым звездным сиянием, целиком ушла в себя и не хотела даже глядеть на него.

«Скорее бы взошло солнце, — думал он, — скорее бы кончилась ночь!» Потому что днем он плотничал, работал на строительстве городка, мальчики учились в школе, Керри была занята уборкой, садом, кухней. Когда же заходило солнце и руки не были заняты ни цветами, ни молотком, ни учебниками, во мраке, будто ночные птицы, прилетали воспоминания.

Его жена пошевелинулась, чуть-чуть повернула голову.

— Боб, — наконец сказала она, — я хочу домой.

— Керри!

— Это не дом, — продолжала она.

Он увидел, что ее глаза полны слез и они льются через край.

— Керри, надо продержаться еще немного.

— Я уже столько времени держусь, все ногти поломала!

И она, двигаясь будто во сне, выдвинула ящики своего комода и принялась доставать оттуда пласты носовых платков, юбок, белья и складывала их наверху, не глядя, ее пальцы сами нащупывали нужные предметы, поднимали и опускали их. И все это далеко не ново, все известно заранее... Будет говорить и говорить, и перекладывать вещи, потом постоит, и уберет все на место, и вернется, вытерев глаза, в постель, к сновидениям. Он боялся, однако, что однажды ночью она действительно опустошит все ящики и возьмет чемоданы — старинные чемоданы, что стоят возле стены.

— Боб... — В ее голосе не было горечи, он звучал мягко и монотонно и был таким

же бесцветным, как лунное сияние, показывающее, чем она занята. — Я столько раз на протяжении этих шести месяцев завожу по ночам один и тот же разговор, что мне самой совестно. Ты без устали трудишься, строишь дома в городке. Мужчина, который так много трудится, вправе быть избавленным от укоров жены. Но другого выхода нет, я должна выговориться до конца. Мелочей вот чего мне больше всего недостает. Не знаю... Ну, в общем пустячков. наших качелей, что висели на террасе дома в Огайо. Плетеной качалки, летних вечеров. Сидишь вечером и смотришь, как мимо идут или едут верхом люди. Или наше черное пианино, которое давно уже пора настроить. Мое шведское зеркало. Мебель из нашей гостиной — знаю, знаю, она напоминает стадо слонов и давно вышла из моды! И хрустальная люстра, которая тихо звенела, когда подует ветер. Посидеть июльским вечером на террасе, посудачить с соседками... Все эти пустячки, эти глупости, которые никакой роли не играют. И все-таки почему-то именно они приходят на ум в три часа ночи. Извини меня...

— Не извиняйся, — ответил он. — Ведь Марс — место необычное. Странные запахи, странные виды, странные ощущения. Я и сам лежу и размышляю по ночам. Чудесный городок мы покинули...

— Он был зеленый, — сказала она. — Зеленый весной и летом. Осенью желтый и красный. И дом у нас был чудесный, а какой старый — лет восемьдесят-девять или около того. Я любила по ночам слушать, как он разговаривает. Кругом сухое дерево, балки, терраса, пороги. Коснись в любом месте — ответит. Каждая комната по-своему.

А когда сразу весь дом разговаривал, то это было словно целая семья окружает тебя во мраке и убаюкивает. Ни один из тех домов, которые теперь строят, не может с ним сравниться. Чтобы у дома появилась своя душа, свой аромат, в нем должно пожить немало людей, не одно поколение. А это... жилище, оно даже не знает о моем присутствии, ему все равно, жива ли я или умерла. Издает только жестяные звуки, а жесть холодная. В нем нет пор, которые могли бы впитывать годы. Нет подвала, куда бы ты откладывал что-нибудь на следующий год и еще дальше впрок. Нет чердака, чтобы хранить вещи, оставшиеся с прошлого года, вещи той поры, когда тебя еще не было на свете. Нам бы сюда хоть маленькую частицу знакомого, близкого, Боб, и можно бы мириться со всем необычным. Но когда все кругом, все без исключения необычно, то пройдет целая вечность, прежде чем оно станет близким.

Он кивнул во мраке.

— Все, что ты говоришь, я сам передумал.

Она смотрела на лунный свет на чемоданах возле стены. Он увидел, как она

протягивает руку в ту сторону.

— Керри!

— Что?

Он спустил ноги с кровати.

— Керри, я совершил идиотский, безумный поступок. Все эти месяцы я вижу, как ты, вся издерганная, ищешь спасения в грезах, и мальчики не спят, и ветер, и Марс кругом, высохшие моря, и все такое, и... — Он замялся и глотнул. — Ты должна понять мой поступок, почему я так сделал. Все деньги, какие были у нас в банке еще месяц назад, все, что мы накопили за десять лет, я истратил.

— Боб!...

— Я выбросил их, Керри, честное слово, пустил деньги на ветер. Хотел сделать тебе сюрприз. Но теперь, сегодня ночью, ты в таком настроении, и эти проклятые чемоданы у стены, и...

— Боб, — сказала она, поворачиваясь. — Неужели ты хочешь сказать: мы перенесли все это, терпели Марс, откладывали деньги каждую неделю только для того, чтобы ты потратил их в несколько часов?

— Не знаю, — ответил он. — Я круглый идиот. Но ведь до утра совсем немного осталось. Встанем пораньше. И я возьму тебя с собой, покажу, что сделал. Я не собирался тебе говорить, хотел, чтобы ты сама увидела. Ну, а если окажется ни к чему, тогда... что ж... вот чемоданы, и ракета на Землю идет четыре раза в неделю.

Она стояла неподвижно.

— Боб, Боб... — пробормотала она.

— Не говори ничего больше, — сказал он.

— Боб, Боб... — Она медленно, точно не веря услышанному, покачала головой.

Он отвернулся и лег. Она села на свою сторону кровати и не стала ложиться сразу, а еще с минуту смотрела на комод, где аккуратными стопками остались лежать ее носовые платки, и броши, и белье. За окном ветер цвета лунного сияния разворошил сонную пыль и припудрил ею воздух.

В конце концов она легла, но ничего больше не говорила, только лежала в постели бесстрастной тяжестью, высматривая сквозь длинный тоннель ночи первые признаки утра.

Они поднялись с рассветом и молча заходили по комнатам своего сборного дома. Пантомима затянулась, вот-вот кто-нибудь должен был криком взорвать тишину: мать, отец, дети умывались, одевались, безмолвно ели завтрак — тосты, фруктовый сок и кофе, — и никто не глядел прямо на остальных. Все следили друг за другом по отражениям на блестящей поверхности тостера, стаканов, ножей, которые совершенно преображали лица, делая их до ужаса чужими в этот ранний час. Наконец они отворили бесшумную дверь, впусив воздух, летевший с ветром над холодными бело-голубыми марсианскими морями, где колыхались и рассыпались, создавая недолговечные узоры, песчаные волны, и они вышли под неприветливое, холодно глядящее на них небо и направились в поселок — или это просто кинофильм и пейзажи плывут мимо на стоящем перед ними огромном пустом экране?

— В какую часть города мы идем? — спросила Керри.

— На космодром, в камеру хранения, — ответил он. — Но сперва мне нужно вам кое-что сказать.

Мальчики замедлили шаг и пошли с родителями, чуть позади них, слушая. Отец смотрел вперед, и ни разу за все то время, что он говорил, не оглянулся ни на жену, ни на сыновей, чтобы проверить, как они воспринимают его слова.

— Я верю в Марс, — тихо начал он. — Да, верю, что в один прекрасный день он станет нашим. Мы укротим его и сделаем обитаемым. Нам не придется уносить отсюда ноги. Год назад, вскоре после того, как мы сюда прилетели, мне пришла в голову одна мысль. «Почему мы очутились здесь?» — спросил я себя. Потому что иначе быть не могло. Это то самое, что каждый год происходит с лососем. Лосось не знает, почему он направляется в определенное место, и все-таки идет. Вверх по рекам, которых не может помнить, против течения, навстречу водопадам, пока не придет туда, где даст начало новой жизни и погибнет, — и снова тот же круговорот. Назовите это наследственной памятью, назовите инстинктом или никак не назовите, все равно это есть. И вот мы здесь.

Они шли по новому шоссе, окруженные безмолвным утром, и сверху на них смотрело огромное небо, а под ногами шелестел белый, как пена, песок.

— Да, мы здесь. Куда потом, с Марса? На Юпитер, Нептун, Плутон и все дальше? Совершенно верно. И все дальше! Почему? Когда-нибудь Солнце взорвется, точно старая топка. «Бум!» — и нет Земли. Но Марс, возможно, уцелеет. А если

и он пострадает, возможно, уцелеет Плутон. Если же и Плутон будет поражен, то где будем мы — я подразумеваю сыновей, наших сыновей?

Он пристально смотрел на безупречную раковину темно-фиолетового неба.

— А мы будем в еще каком-нибудь мире, под тем или иным номером, — скажем, планета 6 звездной системы 98 или планета 2 галактики 99! Так далеко отсюда, что только в кошмаре постичь можно! Мы улетим, понимаете, вовремя уберемся и будем в безопасности! И я подумал: «Так вот в чем дело, вот почему мы на Марсе, вот почему человек запускает свои ракеты».

— Боб...

— Дай мне кончить. Нет, не ради денег. И не в погоне за новыми пейзажами. Это все обман, хоть люди именно так и говорят, мнимые причины, которыми человек морочит себе голову: мол, ради богатства, славы... Чтобы повеселиться, мол, развлечься. Но все это время внутри человека что-то тикает, как тикает внутри лосося или кита, как тикает в самом мельчайшем микробе, какой ни возьми. И знаете, что говорят эти часики, которые тикают во всех живых существах? Они говорят: «Уходи, рассыпайся во все стороны, двигайся, плыви дальше! Освой столько миров, построй столько городов, чтобы ничто никогда не могло истребить человечество». Понимаешь, Керри? Дело не в том, что мы с тобой прибыли на Марс — это весь род человеческий прибыл, его существование зависит от того, что успеем сделать мы за нашу жизнь. Это же такая великая штука, что прямо хоть смейся, до того мне страшно.

Он чувствовал, что мальчики не отстают, идут следом за ними, чувствовал, что Керри рядом. Ему хотелось видеть ее лицо, проверить ее реакцию, но он не стал смотреть.

— Это же в точности как в моем детстве было: мы с отцом шли по полям, разбрасывая семена руками, когда сеялка ломалась, а у нас не было денег ее починить. Так или иначе, нужно было сеять, ради будущего урожая. Господи, Керри, ты помнишь эти статьи в воскресных приложениях: «Земля замерзнет через миллион лет!» Мальчишкой я однажды прочел такую статью — и в рев. Мать спрашивает, что это я реву. «Мне жаль, — говорю, — всех этих бедных людей, которых такая беда ждет». — «А ты за них не переживай», — ответила мать. Но понимаешь, Керри, в этом-то все и дело: мы переживаем за них. Иначе мы бы не были здесь. Человек с большой буквы должен жить. Я не вижу ничего на свете важнее Человека с большой буквы. Разумеется, я подхожу пристрастно — ведь сам из этого племени. Но если вообще существует способ добиться бессмертия, о котором люди всегда толкуют, то вот он: рассыпаться во все стороны, засеять вселенную. Тогда будет урожай, который обеспечит от любых

неурожаев в дальнейшем. Пусть на Земле будет голод или ржа. У тебя вырастет новая пшеница на Венере или где там еще человек может очутиться через тысячу лет, я просто одержим этой мыслью, Керри, одержим. Когда все это вдруг дошло до меня, мне хотелось обнять всех людей, тебя, мальчиков и объяснить им. Но, понимаешь, я чувствовал, что в этом нет необходимости. Чувствовал: придет день или ночь, когда ты сама услышишь, как это тикает в тебе, и прозреешь — и никакие разговоры не нужны. Это большая тема, Керри, я знаю, и большие мысли для человека ростом неполных пять футов пять дюймов, но ведь это все верно, клянусь!

Они шли по пустынным городским улицам, слыша эхо своих шагов.

— А нынче утром? — спросила Керри.

— Я как раз дошел до сегодняшнего утра, — сказал он. — Часть меня тоже рвется домой. Но другая часть говорит: «Если мы вернемся, все пропало!» И я подумал: «Что нас больше всего терзает? Какие-то предметы, которые были у нас раньше. Вещи мальчиков, твои, мои». И я подумал: «Если для того, чтобы положить начало новому, нужны какие-то старые вещи, то, видит Бог, я их использую, эти старые вещи». Помню, в одной книге по истории написано, что тысячу лет назад в полый коровий рог клали уголек и раздували его целый день, и так переносили огонь с места на место, и вечером разжигали костер искрами утреннего костра. Все время новый костер, но всегда с частицей старого. И я все взвесил и сопоставил. «Стоит ли Старое всех наших денег? — спросил я. Нет! То, что мы создавали, чему служило это Старое, — вот это ценно». «А Новое — стоит ли оно всех наших денег? Чувствуешь ли ты, что делаешь вклад в будущее, в какой-то из дней следующей недели?» — «Да! — сказал я себе. — Если я могу одолеть то, что зовет нас обратно на Землю, я ради этого готов облить свои деньги керосином и поднести спичку!»

Керри и оба мальчика не двигались. Они застыли на месте посреди улицы, глядя на него так, словно он был ураганом, который налетел на них и чуть не оторвал от земли, а теперь затихал.

— Утром пришла транспортная ракета, — тихо сказал он. — С ней прибыл наш багаж. Пойдем получим его.

Они медленно поднялись по трем ступеням камеры хранения и пошли по гулкому полу к складу, который только что распахнул свои двери, начиная рабочий день.

— Расскажи нам снова про лосося, — сказал один из сыновей.

* * *

Теплое утро было в разгаре, когда они выехали из города на грузовой машине, кузов которой заполнили большие корзины и ящики, тюки и пакеты, длинные, высокие, короткие, плоские, все нумерованные, с аккуратно выведенным адресом: Роберту Прентиссу, Нью-Тоledo, Марс.

Они остановили грузовик возле сборного дома, и мальчики выскочили из машины и помогли сойти маме. Боб еще посидел за рулем, потом медленно вылез из кабины, обошел машину сзади и заглянул в кузов, где громоздились вещи.

К полудню все ящики, кроме одного, были вскрыты, их содержимое разложено и расставлено на дне высохшего моря. Прентиссы устали.

— Керри...

Он повел ее вверх по ступенькам старого крыльца; они тоже стояли тут, на окраине города, извлеченные из ящика.

— Прислушайся, Керри. Ступеньки кряхтели и скрипели под ногами.

— Что они говорят, скажи, что они говорят?

Она стояла на старых-престарых деревянных ступеньках, думая о своем, и не могла ему ответить.

Он взмахнул рукой.

— Здесь — терраса, там — гостиная, столовая, кухня, три спальни. Кое-что обновим, кое-что с Земли заберем. Пока мы получили только крыльцо, часть гостиной мебели и старую кровать.

— Такие деньги, Боб!

Он повернулся улыбаясь.

— Ты ведь не сердишься — ну, погляди на меня! Ты не сердишься! Мы все постепенно заберем, в следующем году, через пять лет! Хрустальные вазы, армянский ковер, который твоя мать подарила нам в 1961 году! Пусть Солнце взрывается!

Они посмотрели на ящики с номерами и надписями: «Качели с террасы», «Кресло-качалка с террасы», «Хрустальная люстра»...

— Я сам буду дуть на нее, чтобы звенела.

Они установили на верху крыльца наружную дверь с окошками из цветного стекла, и Керри поглядела в земляничное оконце.

— Что ты видишь?

Он и так знал, что она видит, потому сам смотрел через то же стекло. Марс: холодное небо согрето, высохшие моря зарделись алым пламенем, радуя душу и глаз светом неугасающей зари. Пригнувшись, глядя через стекло, он услышал собственный голос.

— Через год город дотянется сюда. Здесь пройдет тенистая улица. У тебя будет твоя терраса, будут друзья. И тогда тебе уже не будет так сильно не хватать всего этого. Ты увидишь, как отсюда, с маленького, близкого и привычного тебе клочка, все пойдет и пойдет разрастаться, и весь Марс переменится — станет близким, словно ты его знала всю жизнь.

Он сбежал вниз по ступенькам к последнему, еще не вскрытому, обшитому мешковиной ящику. Своим перочинным ножом он вспорол мешковину.

— Угадай! — сказал он.

— Моя кухонная плита? Моя печь?

— Ничего подобного. — Он очень ласково улыбался. — Спой мне песенку, попросил он.

— Боб, ты окончательно рехнулся!

— Спой мне песенку, чтобы стоила всех денег, которые у нас были в банке и которых теперь нет. И черт с ними! — сказал он.

— Я только одну знаю: «Женевьева, моя Женевьева!»

— Спой ее, — сказал он.

Она никак не могла заставить себя начать. Он видел, как шевелятся в попытке ее губы, но не слышал ни звука.

Тогда он решительно рванул мешковину, сунул руку в ящик, что-то поискал в полной тишине, напевая себе под нос. И вдруг в воздухе затрепетал звонкий, чистый аккорд.

— Вот так, — сказал он. — Ну-ка, с самого начала. Все вместе! Слушайте первую

ноту.